

А. Ш. Тхостов

Психологическая многозначность понятия насилия

Тхостов Александр Шамильевич – доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Говорить сейчас о возможном позитивном психологическом смысле насилия (понимаемого в самом широком смысле как воздействие без добровольного согласия в отношении индивидуума или группы) по отношению к детям настолько же опасно, насколько в начале XX века скандальным считался разговор о детской сексуальности. Предполагается, что насилие должно быть последовательно исключено из человеческого бытия и заменено на достаточно расплывчато понимаемую толерантность.

Именно через торможение, задержку, отказ, напряжение и усилие могут объективироваться те или иные функции и феномены психики.

Тем не менее насилие можно понимать не только как некоторое отклонение от нормального функционирования, но и как абсолютно необходимое проявление витальности и условие социализации.

Обычно история онтогенеза «высших» психических функций излагается как совокупность достаточно «вегетарианских» событий. Маленький ребенок совместно со взрослым (как представителем и носителем культуры) радостно осваивает новые формы и способы деятельности, интериоризуя их (правда, не всегда ясно, как) и переходя на новый уровень психического функционирования. Однако и теоретические выкладки, и клинические наблюдения, да и обыденный опыт не очень согласуются с такой благозвучностью. Даже обучение ребенка простым пищевым и гигиеническим навыкам не протекает гладко, а сам феномен наказания в широком понимании этого термина, принципиально не устранимый из культуры, делает сомнительным представление об абсолютной гармонии диады «взрослый – ребенок» или «субъект – социум». Ведь есть руками намного проще, чем вилкой. А кататься на коньках, играть на скрипке, да и просто читать – нефизиологично,

поскольку регуляция телесных функций, влечений и потребностей требует постоянных и довольно серьезных усилий. Усвоение социальных и культурных норм мало чем отличается от усвоения через практику падений закона всемирного тяготения, а через болезненный ожог – умения правильно обращаться со спичками.

Представляется принципиально важным в теоретическом и практическом плане сформулировать и интегрировать в контекст развития современной психологии ряд важных понятий. В уточнении нуждаются сами понятия «насилие» и «усилие», точнее – их соотношение. Неявным и неверным допущением является то, что порождаемая в результате культурной трансформации функция обладает заведомыми преимуществами перед натуральной, и если мы и сталкиваемся с какими-либо ее несовершенствами, то они суть несовершенства ее освоения.

Представляется принципиально важным в теоретическом и практическом плане сформулировать и интегрировать в контекст развития современной психологии ряд важных понятий. В уточнении нуждаются сами понятия «насилие» и «усилие», точнее – их соотношение.

Однако преимущество высшей функции перед натуральной не столь уж очевидно. В. М. Аллахвердов замечает, что ребенок сразу после рождения обладает совершенной рефлекторной регуляцией (например, хватательный рефлекс позволяет ребенку подтягиваться, ухватившись за поднимающую его руку), которой он не скоро, а может быть, и никогда не достигнет на произвольном уровне. А возможности, скорость и объем информации, перерабатываемой на сознательном уровне, никогда не сравнятся с организмическими возможностями человека. Преимущества высшей функции в другом: в возможности выйти за границы наличной стимуляции, возможности действовать или не

действовать в соответствии с иными, не натуральными правилами, а иногда и вопреки им. При этом следует особо подчеркнуть, что *отказ, торможение, запрещение* как формы социализованной саморегуляции имеют не меньшее значение, чем освоение совместно со взрослым ее *выполнения*.

Усилие, напряжение имеют принципиальное значение для порождения высших форм психики. Именно через торможение, задержку, отказ, напряжение и усилие могут объективироваться те или иные функции и феномены психики. Последующая интериоризация должна предполагать обязательный этап экстериоризации, объективации, а последующая постпроизвольность – предшествующую дезавтоматизацию.

Знаменитый параллелограмм развития отражает очень важный, но не достаточно осмысленный феномен возможного ухудшения деятельности на начальном этапе освоения опосредствующих инструментов. Но вне этого невозможно формирование некоторых принципиальных в генетическом плане психологических образований. Например, дефицитарность этапа произвольной регуляции как центрального звена формирования идентичности можно рассматривать как психологический механизм нарушения переживания времени и самоидентичности при различных вариантах «зависимости». В рамках такой концепции время рассматривается как превращенный вариант интериоризированного усилия, связанного с торможением удовлетворения потребностей или фиксацией достижения.

Успешное прохождение фазы нормального отчуждения через экстериоризацию и последующую интериоризацию саморегуляции формирует нормальную линейную модель времени, включающую в себя прошлое, настоящее и будущее; дающую возможность как оперативной, текущей регуляции процессов жизнедеятельности, так и долгосрочного планирования. Здесь мы сталкиваемся со своеобразной инверсией: психологическое переживание времени сначала рождается как заторможенная деятельность, как протяженное напряжение, а затем само становится высшей формой смысловой регуляции такого усилия и напряжения. Регуляция имеет смысл лишь при условии наличия представления о времени и жизненной перспективе. Неуспешное прохождение этой фазы социализации может привести к фиксации архаической циклической модели времени, при которой непознаваемые внешние силы своевольно управляют субъектом и которая не

предполагает возможности планирования. Это делает субъекта полностью детерминированным внешней или внутренней (физиологической) стимуляцией, как, например, при различных вариантах зависимости.

Современными психоаналитиками также показано, что не только избыточное насилие, непереносимая или слишком ранняя травматизация являются источниками психопатологических симптомов. Не менее важный их источник – избыточное облегчение условий существования, превращающееся в тормоз развития навыков самостоятельности, сепарации или даже построения устойчивых границ субъекта. Условия формирования «психотической личностной структуры» могут быть связаны с феноменом «всеприсутствующей матери», удовлетворяющей все потребности ребенка до момента их актуализации. Таким образом ликвидируется зазор между актуализацией потребности и ее удовлетворением, зазор, абсолютно необходимый для формирования устойчивого выделения себя из мира: мера физиологической неудовлетворенности есть центр кристаллизации субъектности, сознания, самосознания и устойчивых границ «Я».

Отсутствие необходимого зазора, оптимального усилия на следующем этапе развития, когда ребенок должен выйти из симбиотических отношений с матерью, порождает «пограничную личностную структуру», характеризующуюся постоянным стремлением к установлению симбиоза и «опорных» отношений. Избыточная любовь, гипертрофированная поддержка не только не стимулируют развитие самостоятельности, но становятся источником аффективных расстройств в случае утраты подобного опорного объекта. Смысл «пограничной личностной организации» прежде всего в несформированности сингулярности самосознания, невозможности замены опорного объекта, по определению являющегося уникальным.

«Невротическая структура» также, в каком-то смысле, может быть следствием избыточной любви, отсутствием «третьего» в диаде «мать – ребенок», что оборачивается отсутствием необходимости усилий к завоеванию своего места, своего права, ибо это право заранее завоевано.

Идея травматизации, непереносимости или избыточности усилия как ведущего этиологического фактора психопатологических феноменов, не критично заимствованная из классического психоанализа, перенесена на современную педагогику.

Интенсивное и бесконтрольное развитие современных технологий удовлетворения потребностей, а также умножение и активная деятельность так называемых гуманистических школ психологии и педагогики привело к своеобразному перекосу, дисгармонии в представлениях о соотношении насилия и усилия. В результате стало казаться, что любое – по принуждению или самостоятельно совершаемое – усилие есть насилие, калечащее психику и тело человека, безнравственное по своей сути и потому подлежащее решительному иллиминированию, вплоть до полного устранения из контекста «правильного воспитания».

Идеалом воспитания и обучения стала идея об абсолютно «гуманистической» ненасильственной педагогике, когда ученик получает необходимые знания и умения без всякого принуждения, насилия, усилия, без отметок и, желательного, лежа.

В результате к моменту перехода в среднюю школу школьники не знают таблицы умножения, а к моменту окончания школы не всегда способны показать на карте мира свою собственную страну. Но все это, с точки зрения «гуманистической» педагогики, – ерунда, ибо основная цель – это развитие свободного человека. Правда, у лиц, подвергшихся «свободному воспитанию», при психологическом исследовании диагностировались весьма своеобразная самооценка и особенности волевой сферы, значительно затрудняющие как ход дальнейшей социальной адаптации, так и процесс личностного развития.

Мысль о том, что усилие, перед тем как стать интериоризированным, внешним и, по сути, имеющим генетическое родство с насилием, с гуманистической точки зрения, совершенно несимпатична. Постоянное усилие имеет принципиальное значение не только в онтогенетическом плане, для формирования высших форм психической деятельности, но и для нормально-функционального функционирования человека.

Успешное прохождение фазы нормального отчуждения через экстерниоризацию и последующую интериоризацию саморегуляции формирует нормальную линейную модель времени, включающую в себя прошлое, настоящее и будущее; дающую возможность как оперативной, текущей регуляции процессов жизнедеятельности, так и долгосрочного планирования.

Здесь культура создает еще одну ловушку, еще один побочный источник возможной патологии.

С одной стороны, любая технология, создаваемая культурой, направлена на экономию усилия, на снижение напряжения, облегчение жизни. Но прогресс часто имеет своей целью регресс – любые орудия (от палки до машин и компьютеров) призваны облегчить или сэкономить усилия: создать рычаг, модифицировать несовершенное тело, добиваясь результатов, недостижимых в естественных условиях. Бессмысленно отрицать, что человек никогда не сможет обогнать гоночный автомобиль, не сможет летать, если не будет использовать летательных аппаратов, а компьютер безмерно расширяет ограниченные возможности его интеллекта, памяти и пр.

Конечно, человек – субъект и протагонист прогресса, его главный деятель и движущая сила. Но, с другой стороны, человек постоянно рискует стать жертвой такого прогресса, на индивидуальном-психологическом уровне оборачивающегося регрессом. Автомобиль приводит к ожирению, а слишком раннее пользование калькулятором не дает возможности сформироваться навыкам арифметических операций. «Невыносимая легкость бытия», обеспечиваемая современными технологиями удовлетворения потребностей, актуально и потенциально чревата серьезными отрицательными последствиями для всего процесса культурно-исторического развития. Еще несколько тысяч безответственно внедренных в жизнь социума «безусловно полезных» технологий – и личностно развиваться будет не для чего. Да и некому. Или почти некому.

Стремление к максимальному облегчению с помощью технических и организационных средств абсолютно всех аспектов жизнедеятельности как к основной цели прогресса таит в себе большую психологическую и социальную опасность. Слишком легкий мир – основа постепенного распространения расстройств, относимых нами к группе «культурной патологии». Технологическая переразвитость, кажущаяся легкостью удовлетворения любых потребностей маскируют собой грозную перспективу массовой актуализации «нормальных психических расстройств», личностной недоразвитости, а может быть, и деградации лучших человеческих ресурсов, потенциалов, лучших виртуальных качеств человеческой личности. Мир без целеустремленного усилия конкретной личности к самосовершенствованию – это сон, обморок, смерть, остановка самого существенного направления и цели прогресса.

В общем направлении цивилизации к виртуальному индивидуальному регрессу есть еще одна специфическая ловушка – возможности

знаковосимволического опосредствования как механизма произвольной регуляции и удовлетворения потребностей.

Идеалом воспитания и обучения стала идея об абсолютно «гуманистической» ненасильственной педагогике, когда ученик получает необходимые знания и умения без всякого принуждения, насилия, усилия, без отметок и, желательного, лежа.

Знаковосимволическое опосредствование – универсальный инструмент, осваиваемый в онтогенезе, – дает возможность овладеть своим поведением через овладение управляющими им стимулами. Это идея, заимствованная у Гегеля, была призвана объяснить возможность влияния на реальное поведение нематериального субстрата воли. Поскольку не очень понятно, каким образом можно «прикрепить» волю к материальному действию, ибо они находятся в разных пластах, то была использована метафора «хитрости» разума, не вмешивающегося в действия природных сил, но сопологающего их в такой последовательности, которая отвечает желанию субъекта, никоим образом не нарушая природных законов. Например, существование самолета ни в коей мере не нарушает ни одного закона природы, но в природе самолетов не бывает, и его изобретение позволяет человеку совершать действие, не совместимое с его природой, – летать. Правда, эта идея, позволяющая разгрузить волю от необходимости совершать материальное усилие, не очень проясняет проблему выбора: на самом деле ведь проблема не в том, что волей невозможно поднять камень, а нужно усилие мышц. Речь не идет о том, что усилие перестает измеряться в килограммах, неясно, как может воля вообще быть детерминированной.

Но, как бы там ни было, идея знаковосимволического опосредствования действительно раскрывает специфическую функцию культуры – ослабление усилия. Более того, она отражает еще одну очень важную ее функцию – возможность знаковосимволического удовлетворения потребностей, перенесения действия в символический пласт. Удвоение мира за счет создания знаковосимволического пространства, пространства культуры позволяет расширить возможности человека: помимо прямого действия становится возможным действие символическое. Человек, читая книгу, смотря спектакль, картину, слушая музыку, может испытывать почти те же чувства, которые он мог бы испытать, став фактическим героем этих произведений. Расширяя таким

образом возможное пространство жизни, человек никогда не сможет стать участником таких событий, за которыми он может понаблюдать по телевизору, в кино или театре, – культура одновременно и облегчает реализацию многих потребностей, приближая момент их удовлетворения, но одновременно лишая деятельность ее сердцевины – самостоятельного усилия.

Социализацию, таким образом, следует рассматривать не как завершенную, безусловно, гармоничную, согласную, радостную совместную деятельность субъекта и социума, но как достаточно жесткую борьбу, шрамы от которой в виде различных форм «культурной» патологии есть плата за возможность обретения нормальной идентичности и адекватной саморегуляции. Психоанализ, так же как и культурно-исторический подход, придававший принципиальное значение социализации натуральных функций, более правдоподобным признавал ее довольно «кровавый» характер. ■

Список литературы

1. Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. – СПб.: Речь, 2003. – 364 с.
2. Барт Р. Избранные труды. Семиотика и поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.
3. Бержере Ж. Психоаналитическая психология. – М.: Изд-во Московского университета, 2002. – 380 с.
4. Выготский Л.С. Избранные психологические труды. – М.: Изд-во Акад. наук РСФСР, 1956. – 519 с.
5. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собрание сочинений в 6 т. – Т. 6. – М.: Педагогика, 1982. – С. 228–291.
6. Гегель Г.В.Ф. Система наук. – СПб.: Наука, 1992. – 441 с.
7. Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия. В 2 т. – М.: Медицина, 1994. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – 524 с.
8. Корольков А.А., Петленко В.П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. – М.: Медицина, 1977. – 392 с.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
10. Московичи С. Век толп. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.
11. Роджерс К., Фрейберг Д. Свобода учиться. – М.: Смысл, 2002. – 527 с.
12. Тищенко П.Д. Биовласть в эпоху биотехнологий. – М.: ИФРАН, 2001. – 178 с.
13. Тоффлер О. Одноразовая культура. – М.: Логос, 2001. – 240 с.
14. Тхостов А.Ш. Психология телесности. – М.: Смысл, 2002. – 288 с.
15. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Современные технологии и новые границы социокультурной детерминации нормы и патологии // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований. – М.: ИП РАН, 2003. – С. 66–79.
16. Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Технологические детерминанты определения границ нормы и патологии // Материалы Съезда психологов в Санкт-Петербурге. – СПб., 2003.
17. Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1990. – 330 с.
18. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Магистериум, 1996. – 446 с.
19. Фуко М. Наблюдать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479 с.
20. Фуко М. Рождение клиники. – М.: Смысл, 1998. – 310 с.